

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРА В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена разработке норм об условиях действительности договора при составлении проекта Гражданского уложения Российской империи в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Гражданское право России, проект Гражданского уложения Российской империи, обязательственное право, договор.

The article is devoted to the elaboration of norms on the conditions of validity of the Treaty in the drafting of The civil code of the Russian Empire in the late XIX — early XX century.

Keywords: Civil law of Russia, draft Civil code of the Russian Empire, law of obligations, contract.

Вопрос об условиях действительности договора — это вопрос о его юридическом характере, его сущности, о способности действий, составляющих его содержание, устанавливать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности. Предписывая те или иные требования к договорным отношениям, определяя необходимые для их существования элементы, гражданское законодательство тем самым формулирует и условия действительности договора. Неслучайно в гражданских кодексах и в науке гражданского права элементы договора часто называются условиями его действительности.

В качестве примера такого смешения можно указать на ст. 1108 Гражданского кодекса французов 1804 г., в которой говорилось: «Четыре условия являются существенными для действительности соглашения: согласие стороны, которая обязывается; способность заключить договор; определенный предмет, составляющий содержание обязанности; дозволенное основание обязательства»¹. Подобный вариант трактовки элементов договора показывает и ст. 1104 Граждан-

* tomsinov@yandex.ru

¹ «Quatre conditions sont essentielles pour la validité d'une convention: le consentement de la partie qui s'oblige; sa capacité de contracter; un objet certain qui forme la matière de l'en-

ского кодекса Итальянского королевства 1865 г., устанавливающая: «Существенные условия действительности договора суть: правоспособность контрагентов; действительное (*valido*) их согласие; определенная вещь, могущая быть предметом обязательства; дозволенная законом цель (*causa licita*) обязательства»².

Однако, хотя элементы договора и условия его действительности часто смешиваются в гражданском законодательстве и в гражданско-правовой науке, они явно представляют собой не одно и то же, а два различающихся явления. Условия действительности договора — это не элементы договора, а **свойства** этих элементов, **сущностные их качества**, которые придают договору юридическую силу, позволяющую ему устанавливать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности.

Так, «согласие стороны», обозначенное в приведенной статье Гражданского кодекса французов 1804 г. как существенное *условие действительности* договора, на самом деле является существенным *элементом* договора. Условие действительности договора составляет в данном случае не просто согласие, а **действительное** согласие, т. е. такое согласие, которое было дано не вследствие заблуждения, а осознанно, которое не было исторгнуто насильем или достигнуто обманом, но было выражено добровольно, свободно. Не ст. 1108, а ст. 1109 Гражданского кодекса французов 1804 г. формулирует настоящее условие действительности договора, поскольку в ней показано, при каких обстоятельствах действительное согласие отсутствует³.

Профессор императорского Царскосельского лицея А. П. Куницын, перечисляя в своей книге «Естественное право» «необходимые условия, без которых всякой договор недействителен», совершенно правильно указывал не просто на согласие, а на «свободное согласие»⁴. При этом он пояснял, что «к свободному согласию требуется: 1. Чтобы договаривающиеся лица были в полном употреблении разума во время заключения договора, 2. Чтобы имели одинаковое поня-

agement; une cause licite dans l'obligation» (Code civil de français. Ed. orig. et seule offic. Paris, 1804. P. 201).

² Зарудный С. И. Гражданское уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств. Ч. 1. Спб., 1869. С. 290. С. И. Зарудный перевел термин *causa* словом «цель», в примечании к переводу он уточнил, что данный термин можно было бы перевести также словами «основание» и «причина».

³ Дословно в ст. 1109 говорится: «Нет действительного согласия, если согласие дано было лишь вследствие заблуждения или если оно было исторгнуто насильем, или достигнуто обманом (Il n'y a point de consentement valable si le consentement n'a été donné que par erreur, ou s'il a été extorqué par violence ou surpris par dol)» (Code civil de français. P. 201). Отсюда нетрудно вывести, каким является действительное согласие.

⁴ Куницын А. П. Естественное право. Спб., 1818. С. 106.

тие о предмете договора и желали взаимно совершить оной, 3. Чтобы могли друг другу ясно выразить свою волю»⁵.

Второе условие действительности договора составляет не просто «способность заключить договор», а **юридическая** способность. Данное условие определяет не ст. 1108, а ст. 1123 Гражданского кодекса французов, гласящая: «Всякое лицо может заключать договоры, если оно не объявлено неспособным в силу закона»⁶.

Третьим условием действительности договора выступает не просто «определенный предмет, составляющий содержание обязанности», а такой предмет, который **по закону может быть объектом гражданского оборота**. А. Н. Радищев в связи с этим отмечал: «Предметом договора не могут быть ни вещи, ни деяния невозможные»⁷. А. П. Куницын же писал, что предмет договора должен быть таким, чтобы имелась: 1) юридическая возможность исполнения договора («возможность отчуждать передаваемое право») и 2) физическая возможность («физическая и нравственная возможность исполнить договор»)⁸.

В Гражданском кодексе французов этому условию была посвящена ст. 1126: «Предметом договора является то, что одна сторона обязуется дать, или то, что одна сторона обязуется сделать или чего она обязуется не делать»⁹.

Наконец, четвертым условием действительности договора является не просто «дозволенное основание обязательства», но основание, дозволенное **законом и не противоречащее добрым нравам и публичному порядку**. Данное условие устанавливается на самом деле, пусть и в отрицательной форме, не в ст. 1108, а в ст. 1133 Гражданского кодекса французов. В ней декларируется: «Основание является недозволенным, когда оно запрещено законом, когда оно противно добрым нравам или публичному порядку»¹⁰.

В гражданском законодательстве и в науке гражданского права, помимо категории «условия действительности договора», употребля-

ется словосочетание «условия действительности сделки». Первым из российских правоведов, придавшим понятию сделки особое значение в цивилистике как важнейшему виду юридического действия, был профессор императорского Казанского университета Д. И. Мейер. «Наука гражданского права, — утверждал он, — не может обойтись без учения о сделках: между существенными чертами различных сделок есть много общего, а задача науки — возводить отдельные явления к единству, ибо тогда только уразумеваются их существо, сходство и взаимные отношения»¹¹. При этом Дмитрий Иванович вполне сознавал, что в действующем законодательстве нормы о сделках трудно соединить в единое целое и обособить в виде раздела или отдельной части. Он связывал это с тем, что «сделки определяют не один какой-либо род юридических отношений, а отношения самые разнообразные»¹². В своих лекциях по русскому гражданскому праву Д. И. Мейер предпринял попытку разложить понятие сделки на элементы и сформулировать основные положения о действительности и недействительности сделок. «Сделка имеет также известные *принадлежности*. Они двоякого рода: одни касаются лиц, участвующих в сделке, субъектов ее; другие — предметов, составляющих содержание ее, самих юридических отношений, о которых идет речь в сделке. Первые поэтому можно назвать *субъективными* или *подлежательными*, а вторые *объективными* или *предлежательными* принадлежностями»¹³. «Подлежательной принадлежностью» сделки Мейер назвал способность ее субъекта к совершению юридического действия. К «предлежательным принадлежностям» сделки он отнес юридические отношения, составляющие предмет сделки, указав, что для действительной сделки необходимо, чтобы ее предмет: 1) имел юридическое значение, 2) обладал имущественным интересом, 3) состоял в гражданском обороте, 4) не был противен законам и нравственности, 5) был физически возможным для совершения»¹⁴.

Казалось бы, столь подробное описание условий действительности сделок должно было бы избавить Д. И. Мейера от необходимости касаться условий действительности договора — ведь правовед считал его одной из разновидностей сделки. Тем не менее, обратившись в дальнейшем изложении своего курса гражданского права к договорным отношениям, Дмитрий Иванович вынужден был остановиться на вопросе об условиях действительности договора. В частности, он рассмотрел имевшее важное практическое значение различие между условиями, несоблюдение которых влечет существенно различаю-

⁵ Там же. С. 107.

⁶ «Toute personne peut contracter si elle n'en est pas déclarée incapable par la loi» (Code civil de français. P. 203).

⁷ Радищев А. Н. Проект гражданского уложения // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 182.

⁸ Куницын А. П. Указ. соч. С. 106.

⁹ «Tout contrat a pour objet une chose qu'une partie s'oblige à donner, ou qu'une partie s'oblige à faire ou à ne pas faire» (ibid. P. 204). В Гражданском кодексе Итальянского королевства 1865 г. данное условие было сформулировано в ст. 1116 краткой фразой: «Предметом договоров могут быть только вещи, подлежащие торговле» (Зарудный С. И. Указ. соч. С. 293). Профессор А. П. Куницын в качестве условия действительности договора называл вместо его предмета «возможность отчуждать передаваемое право» (Куницын А. П. Указ. соч. С. 106).

¹⁰ «La cause est illicite quand elle est prohibée par la loi, quand elle est contraire aux bonnes mœurs ou à l'ordre public» (Code civil de français. P. 205).

¹¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. Общая часть. Спб., 1861. С. 209–210.

¹² Там же. С. 209.

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Там же. С. 214–217.

щиеся последствия для договора. Объясняя, почему недействительность одних условий «поражает недействительностью весь договор», а недействительность других — «падает только на них самих, но не касается действительности и целостности всего договора», Мейер отметил, что различие между этими условиями «заключается в том, что одни касаются сущности договора, другие ее не касаются: и вот первые-то условия, касающиеся сущности договора, будучи недействительны, разрушают договор, тогда как вторые, не касающиеся сущности договора, в случае недействительности только сами не имеют значения, но не делают недействительным всего договора»¹⁵.

К. П. Победоносцев в изложении курса гражданского права следовал содержанию свода действующих гражданских законов и поэтому не касался понятия сделки. Но при описании общих положений обязательственного права он уделил внимание условиям действительности не только договора, но и обязательства. «Обязательство, — указал он, — тогда только может быть названо вполне действительным, когда с ним соединено право иска. Только при этом условии обязательство имеет значение, ибо допускает требование юридическое, соединено с правом требовать исполнения посредством общественной власти. В противном случае, как бы ни было достоверно соглашение сторон с целью установить обязательство, — соглашение это не имеет обязательной силы, не производит действительного обязательства»¹⁶. Однако, для того чтобы получить судебную защиту, соглашение должно было соответствовать определенным условиям или требованиям. Победоносцев выделял четыре рода таких условий. По его словам, «для действительности договора существенно: чтобы он основан был на непринужденном соглашении сторон; чтобы каждая из сторон была свободна и способна сама по себе входить в соглашение с другою стороною; чтобы предмет соглашения имел известную определенность; чтобы предмет и цель договора не были запрещенные, так как запрещенные цели не могут пользоваться в осуществлении своем покровительством закона»¹⁷.

Не все условия действительности договоров считались равнозначными с точки зрения науки и практики гражданского права. «Действительность договора, — утверждал Победоносцев, — зависит от действительности, наличности тех юридических событий, которые служат неперменным ему основанием, непременно в нем предпола-

гаются. Когда их нет в действительности, то и договор не может быть действительным. Некоторые из этих событий столь существенны и имеют такое решительное значение (напр., свободная воля, сознание сторон), что где их нет, там решительно нет никакого договора. Другие события могут иметь существенное значение, смотря по обстоятельствам и отношениям»¹⁸.

* * *

В Своде законов Российской империи условиям действительности договора придавалось первостепенное значение. Именно с них начиналось изложение норм договорного права в четвертой книге первой части десятого тома, посвященной обязательствам по договорам. Статья 966, открывавшая данную книгу, устанавливала: «Договор составляется по взаимному согласию договаривающихся лиц. Предметом его могут быть или имущества, или действия лиц; цель его должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку»¹⁹. Статья 967 подкрепляла это требование заявлением о том, что договор будет недействительным и обязательство ничтожным, если побудительной причиной к его заключению является «достижение цели, законами запрещенной»²⁰.

Подобное требование декларировалось и во второй книге гражданских законов, посвященной порядку приобретения и укрепления прав на имущества вообще. Статья 350 объявляла, что «порядок составления и совершения письменных договоров и обязательств определяется законом; порядок же заключения словесных договоров состоит в полной воле договаривающихся лиц, лишь бы оные утверждались на непринужденном произволе и взаимном согласии и не содержали в себе ничего законам противного»²¹.

В ст. 397 предусматривалось: «Все способы приобретения прав, законом определенные, тогда только признаются действительными, когда они утверждаются на непринужденном произволе и согласии»²². В следующей статье пояснялось: «Произвол и согласие

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. Спб., 1832 (далее — СЗ 1832 г.). С. 227. В Своде законов редакции 1857 г. данной статье соответствовала ст. 1528 (см.: Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. Спб., 1857 (далее — СЗ 1857 г.). С. 302).

²⁰ СЗ 1832 г. С. 227. В Своде законов редакции 1857 г. данной статье соответствовала ст. 1529 (СЗ 1857 г. С. 302).

²¹ СЗ 1832 г. С. 83. В СЗ 1857 г. данной статье соответствовала ст. 571 (СЗ 1857 г. С. 110).

²² Там же. С. 97. В СЗ 1857 г. этой статье соответствовала ст. 700 (СЗ 1857 г. С. 136).

¹⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право. Т. 2: Гражданские права в отдельности. Спб., 1862. С. 214.

¹⁶ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. Спб., 1896. С. 28–29.

¹⁷ Там же. С. 33.

должны быть свободны. Свобода произвола и согласия нарушается: 1) принуждением, 2) подлогом»²³.

Согласно ст. 969 договоры и обязательства должны были совершаться или порядком крепостным, или явочным, или посредством нотариата, или домашним порядком²⁴.

Что же касается способности заключать договоры, то она предполагалась нормами, которые регулировали статус физических лиц. Статья 168 первой части десятого тома первоначальной редакции Свода законов и ст. 221 редакции 1857 г. определяли: «Право на полное распоряжение имуществом и свобода вступать в обязательства приобретается не прежде как по достижении совершеннолетия, то есть двадцати лет с годом от рождения»²⁵.

Таким образом, статьи первой части десятого тома Свода законов Российской империи указывали на четыре существенных условия действительности договора: 1) *согласие сторон договора*, 2) *способность лиц, вступающих в договорные отношения, заключать договор* («вступать в обязательства»), 3) *предмет договора* и 4) *законную цель или причину заключения договора*.

Редакционная комиссия, разрабатывавшая в конце XIX—начале XX в. новый проект Гражданского уложения Российской империи, опиралась на приведенные статьи Свода законов при формулировке положений об условиях действительности договоров. При этом ею принималось во внимание толкование смысла этих статей, которое давалось в решениях Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената.

Так, в решении по кассационной жалобе поверенного крестьянина Михайлова присяжного поверенного Грасса на решение С. - Петербургской Судебной палаты Гражданский кассационный департамент Сената прежде всего указал, что договор при исполнении должен быть изъясняем по словесному его смыслу. Сославшись на ст. 1538 первой части десятого тома Свода законов редакции 1857 г., он счел необходимым добавить: «В случае неясности словесного смысла договора, при возникшем важном сомнении относительно смысла слов, выражающих волю договаривающихся лиц, договор должен быть изъясняем по намерению и доброй совести, наблюдая при том следующее: а) слова двусмысленные должны быть изъясняемы в разуме, в наиболее сообразном существу главного предмета в договоре; б) упущение общеупотребительных слов или выражение в договоре не должно быть поставляемо в вину договаривающимся; в) неясные статьи должны быть

²³ Там же (СЗ 1857 г. С. 136).

²⁴ Там же. С. 228. В СЗ 1857 г. это положение составило ст. 1531 (СЗ 1857 г. С. 303).

²⁵ Там же. С. 38 (СЗ 1857 г. С. 42).

объясняемы по тем, кои не сомнительны и вообще по разуму сего договора; г) когда выражения, в договоре помещенные, не определяют предмета во всех его частях с точностью, тогда принадлежности онаго изъясняются обычаем, если, впрочем, они не определены законом, и, наконец, д) если все вышепоставленные правила для объяснения смысла договора недостаточны, тогда в случае равного с обеих сторон недоумения договоры должны быть изъясняемы более в пользу того, кто обязался что-либо отдать или исполнить»²⁶.

Коснувшись при рассмотрении этого дела вопроса условий действительности договора, Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената сделал следующий вывод: «Сущность всякого контракта слагается из условий, положительно в нем выговоренных, и условий подразумеваемых; первые зависят от доброй воли и уговора сторон, которые определяются самим законом, хотя бы они не были выговорены в договоре. Одни условия суть частные для каждого договора, устанавливаемые непринужденною волею частных лиц, другие суть общие, и в отношении их действует сила общего закона, хотя бы о них в договоре было умолчано»²⁷.

Помимо действующих гражданских законов и их толкований Правительствующим Сенатом, редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения Российской империи использовала при формулировании норм о действительности договора положения Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских, касавшиеся условий действительности юридической сделки и договора. Они были изложены в статьях с 2911 по 3046, составивших первые семь глав первого раздела его четвертой книги, посвященного юридическим сделкам вообще²⁸ и в статьях с 3105 по 3148, в которых устанавливались общие требования к договорам²⁹.

Статья 2909 определяла, что «юридическая сделка суть действия, совершенные дозволенным образом для установления, изменения или прекращения известных юридических отношений»³⁰. Статьи 2910 и 2911 указывали на юридически значимые элементы сделки. Сначала декларировалось, что «в каждой юридической сделке предполагается или воля обеих участвующих в ней сторон, следовательно, обоюдное согласие кредитора и должника или одностороннее изъявление воли последним». Затем объявлялось: «При каждой юридической сделке

²⁶ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1867 год. Екатеринослав, 1911. С. 605.

²⁷ Там же.

²⁸ Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских, со включением изменений и дополнений по продолжению 1890 года / Сост. барон А. Нолькен. Спб., 1891. С. 371–391.

²⁹ Там же. С. 398–404.

³⁰ Там же. С. 371.

принимаются во внимание участвующие в ней лица, предмет оной, изъявление на нее воли, составные ее части и, наконец, форма»³¹.

После этого шло последовательное и довольно подробное изложение условий действительности сделки.

- «Для законной силы сделки участвующие в ней должны соединять в себе с правоспособностью свободу воли и право располагать своим имуществом и своими действиями» (ст. 2912)³².
- «Правоспособными в отношении к юридическим сделкам признаются не только физические, но и юридические лица» (2913)³³.
- «Предметом юридической сделки может быть действие как положительное, так и отрицательное, и как имеющее целью установление или передачу вещного права, так и что-либо другое» (2919)³⁴.
- «Предметом права требования может быть только что-либо возможное, в противном же случае вся юридическая сделка считается недействительною» (2920)³⁵.
- «Предметом юридической сделки может быть только то, что не изъято из обращения; в противном случае она признается недействительною» (2921)³⁶.
- «Действия недозволенные и неприличные, которых цель противна религии, законам и добрым нравам или которые направлены к тому, чтобы обойти закон, не могут быть предметом юридической сделки под опасением недействительности оной» (2922)³⁷.
- «В случае совершенной неопределительности предмета сделки она не имеет никакой силы» (2924)³⁸.

Договор, представленный в Своде гражданских узаконений губерний Прибалтийских как разновидность сделки³⁹, должен был подчиняться тем же требованиям, что и сделка. И при изложении норм договорного права было отмечено, что все требования относительно правоспособности лиц к заключению юридических сделок вообще и предметов юридических сделок распространяются и на заключение договора и на его предмет (ст. 3107, 3141). Несмотря на это, условиям

³¹ Там же.

³² Там же. С. 371–372.

³³ Там же. С. 372.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 372–373.

³⁶ Там же. С. 373.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ «Под договором в пространном смысле разумеется всякое взаимное соглашение нескольких лиц на установление, изменение или прекращение каких-либо юридических отношений», — гласила ст. 3105 рассматриваемого Свода, открывавшая раздел «О договорах вообще» (Там же. С. 398).

действительности договора пришлось посвятить в данном Своде немало специальных статей.

Статья 3108 провозгласила, что «договоры лиц, не обладающих свободной волею, недействительны, будут ли неспособны в этом отношении обе стороны или только одна»⁴⁰. Тем самым было уточнено содержание ст. 2914 и 2916, установивших требования к лицам, заключающим юридические сделки.

Статья 3131 определила, что договор считается окончательно состоявшимся только тогда, когда между договаривающимися последует полное соглашение в существенных частях сделки с целью сделать ее взаимно обязательною⁴¹. Тем самым была дополнена ст. 2990, в которой говорилось: «Существенным признается в сделке все то, что дает ей истинное значение и без чего и самое предположенное действие немислимо. Посему в таких существенных составных частях сделки ничего не может быть изменяемо даже и по обоюдному согласию сторон»⁴².

Составители проекта Гражданского уложения Российской империи также сочли необходимым провести различие между условиями действительности сделки, с одной стороны, и договора — с другой. Но поскольку, в отличие от Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских, в Гражданском уложении была выделена общая часть, условия действительности сделки были изложены именно в ней, т. е. в первой книге уложения, посвященной общим положениям. А статьи об условиях действительности договора вошли в первый том его пятой книги, посвященной обязательствам.

При разработке норм, устанавливавших требования к договорам, редакционная комиссия опиралась также на опыт регулирования данного вопроса в гражданском праве европейских стран и США. Условия действительности договора всегда вытекают прежде всего из сущности этого института гражданского права. На него, безусловно, оказывают свое влияние специфические особенности правовой культуры той или иной страны, но это влияние носит весьма ограниченный характер, затрагивая в большей степени внешние формы данных институтов, чем сущность, и отражаясь более в словесном выражении юридических норм, нежели в их смысле.

По этой причине закрепленные в гражданском законодательстве различных стран условия действительности договора имеют, как правило, общий, универсальный смысл. При этом они часто показывают и сходную, если не одинаковую, форму выражения. Это сходство

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 401.

⁴² Там же. С. 380.

вполне может быть результатом заимствования из иностранного законодательства, но очевидно, что в основе его лежит прежде всего общая юридическая природа договоров, применяемых в гражданском обороте различных стран.

Из объяснений к статьям о договорах и ссылок под текстом этих статей видно, что редакционная комиссия использовала в своей работе над ними материал таких установлений, как Всеобщее земское право для Прусского государства 1794 г., Гражданский кодекс французов 1804 г., Австрийское гражданское уложение 1811 г., Гражданское уложение Цюрихского кантона 1853 г., проект гражданского кодекса для королевства Баварии 1861 г., Саксонское гражданское уложение 1865 г., Гражданское уложение Итальянского королевства 1865 г., Калифорнийский гражданский кодекс 1872 г., Швейцарский союзный закон об обязательствах 1881 г., Имущественный законник Черногории 1888 г., Германское гражданское уложение 1900 г.

* * *

Первоначальный проект общих положений об обязательствах, составленный редакционной комиссией по составлению проекта Гражданского уложения к 1890 г., выделял в качестве условий действительности договора **согласие сторон и соответствие предмета договора закону, добрым нравам и общественному порядку**. Статья 8 указанного проекта предписывала: «Договор признается состоявшимся не прежде взаимного изъявления договаривающимися сторонами согласия относительно всех существенных, по закону, частей заключаемого ими договора, а в случае если и другие определения были предложены для включения в договор которою либо из сторон, — не прежде взаимного изъявления ими согласия точно так же относительно всех этих определений»⁴³. Таким образом, условием действительности договора объявлялось в приведенной статье выраженное обеими сторонами согласие относительно всего того, что признано существенным в содержании договора законом, а также всего того, что добавлено к этому какой-либо стороной. Что именно могло быть добавлено в договор, поясняла ст. 1530 первой части десятого тома Свода законов Российской империи редакции 1857 г.⁴⁴ Ссылка на нее указывалась под текстом восьмой статьи Первоначального проекта общих положений об обязательствах.

⁴³ Первоначальный проект общих положений об обязательствах. Спб., 1890. С. 18.

⁴⁴ «Договаривающимся сторонам оставляется на волю включать в договор по обоюдному согласию и по их усмотрению всякие условия, законам непротивные, как то: условия о сроке, о платеже, о неустойке, о обеспечении и тому подобные» (СЗ 1857 г. С. 302–303).

Статья 13 данного Проекта устанавливала: «Предметом договора не может быть что-либо невозможное или противное закону, добрым нравам и общественному порядку»⁴⁵. При этом в следующей статье пояснялось, что «действие не признается невозможным, если препятствие к его исполнению может быть устранено в законном порядке, или если оно касается будущей вещи»⁴⁶.

Статья 16 Проекта добавила к этому условию еще одно требование, указав, что «предметом договора могут быть только действия, имеющие имущественную ценность, или такие, за которые общепринято полагать вознаграждение»⁴⁷. Подобную мысль высказывал в своих лекциях по русскому гражданскому праву и Д. И. Мейер, определявший договор как «соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее имущественный интерес»⁴⁸. Имущественный характер действия, составляющего предмет договора, он связывал с возможностью оценить его в денежной форме и соответственно настаивал на том, что соглашение, не дававшее «возможности определить предмет его на деньги, не представляется договором»⁴⁹.

В Своде законов Российской империи такого требования к предмету договора прямо не предусматривалось. В ст. 966 первой части десятого тома редакции 1832 г. и в соответствовавшей ей ст. 1528 редакции 1857 г. было всего лишь установлено, что предметом договора «могут быть или имущества, или действия лиц». Однако в своих толкованиях содержания данной статьи российские правоведы указывали, что обозначенные в ней действия подразумевают исключительно такие акты, которые можно оценить в деньгах. Такое мнение, в частности, высказывали в своем комментарии к данной статье В. Л. Исаченко и В. В. Исаченко. «Хотя под именем договора, — отмечали они, — и подразумевается соглашение двух или нескольких лиц о приобретении, изменении и прекращении какого-либо права, но здесь под словом “право” подразумевается право на имущество или на действие лиц, и притом такое, которое имеет известную ценность, определенную общим мериллом всех ценностей — деньгами»⁵⁰.

⁴⁵ Первоначальный проект общих положений об обязательствах. С. 22.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 24. Последняя фраза данной статьи предлагалась и в другой, несколько измененной редакции: «или такие, за которые полагается вознаграждение по закону или обычаю» (там же).

⁴⁸ Мейер Д. И. Русское гражданское право. Т. 2. С. 203.

⁴⁹ Там же. С. 205.

⁵⁰ Обязательства по договорам. Опыт практического комментария русских гражданских законов. Т. 1.: Общая часть / Сост. В. Л. Исаченко, В. В. Исаченко. Спб., 1914. С. 160.

Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената в постановлении, вынесенном 15 ноября 1873 г. в результате рассмотрения прошения об отмене решения Санкт-Петербургской Судебной палаты, поданного поверенным Владимиром Герардом от имени Ивана Аверина и Ивана Тулякова, специально отметил: «Договор представляет собою соглашение воли двух или нескольких лиц, порождающее право на чужое действие, имеющее **имущественный характер и интерес**, т. е. ценность в общежитии»⁵¹ (выделено мною. — В.Т.).

Мнение о том, что действия, составляющие предмет договора, должны обладать имущественной ценностью, было весьма распространенным в XIX в. как в цивилистике, так и гражданском законодательстве западноевропейских стран. Правда, понятие имущества понималось в этом случае довольно широко: оно могло охватывать вообще все, что в предмет договора входило.

В Саксонском гражданском уложении 1863 г., представлявшем обязательственное право не с точки зрения обязательства должника по отношению к кредитору, а с позиции требования кредитора (верителя) к должнику⁵², утверждалось (в ст. 662), что «веритель (*Gläubiger*) имеет право на заключающее в себе имущественную ценность удовлетворение (*Leistung*) со стороны другого лица, должника (*Schuldner*), будет ли это удовлетворение состоять в совершении или несовершении чего-либо (*Handlung oder Unerlassung*)»⁵³.

Разрабатывавшийся в одно время с Гражданским уложением Саксонии Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских также понимал обязательственное право как «право требования» и соответственно придавал его предмету имущественный характер. В ст. 2907 данного уложения пояснялось: «Под правом требований разумеется такое право, в силу которого одно лицо — должник — обязывается в пользу другого — кредитора — к известному действию, имеющему материальную ценность»⁵⁴.

В процессе дальнейшей разработки проекта Гражданского уложения Российской империи редакционной комиссией было принято решение включить общие положения об обязательствах в первый том его пятой книги, специально посвященной обязательственному пра-

ву. При этом ст. 16 Первоначального проекта общих положений об обязательствах, предусматривавшая, что «предметом договора могут быть только действия, имеющие имущественную ценность», не вошла в новый вариант этих положений. В объяснениях к первой статье пятой книги проекта Гражданского уложения было отмечено: «Хотя лично-имущественное свойство обязательства принадлежит к бесспорным аксиомам, однако по вопросу о том, должно ли действие, коего совершение или несовершение составляет предмет обязательства, иметь имущественную ценность, не существует единства взглядов»⁵⁵. Редакционная комиссия указала на иностранные гражданские уложения, в которых наличие имущественной ценности у предмета обязательства или договора рассматривалось в качестве условия его действительности, однако не назвала ни одного гражданского уложения, не предполагавшего имущественной оценки данного предмета.

Между тем имущественная оценка предмета обязательственного договора не может не быть субъективной. С другой стороны, немущественная цена предмета договора может оказаться столь же важной для сторон, как имущественная, а при определенных условиях она способна стать для них даже более важной. И очевидно, что с развитием культуры общества немущественная цена или значимость благ, предоставляемых договором, только возрастает. С.А. Муромцев, отрицая необходимость оценивать гражданские права и обязанности единственно с имущественной точки зрения, ссылаясь на практику французских, английских и американских судов, защищавших немущественные интересы посредством денежных взысканий, которые налагались на ответчиков в пользу истцов⁵⁶. «Гражданская защита немущественных интересов обладает громадным значением, — утверждал он. — Ее устранение равносильно игнорированию многих важных сторон общественной жизни»⁵⁷.

Для российского проекта Гражданского уложения редакционная комиссия сочла излишней норму, специально устанавливающую в качестве условия действительности договора имущественную ценность его предмета, поскольку она повторяла бы то, что явно подразумевалось в других, более детальных статьях обязательственного права. «Правило, о том, что предмет обязательства состоит в действии, имеющем имущественную ценность, — указала она в своих объяснениях, — было бы доктринальным обобщением и воспроизведением того, что определяется более конкретным, ясным и точным образом

⁵¹ Полный свод решений Гражданского кассационного департамента правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробным предметным, алфавитным и по-статейным указателями, составленными под редакцией опытных юристов, за 1873 г. № 1405—1472. Екатеринбург, 1903. С. 2529—2530.

⁵² См. об этом: *Томсинов В. А.* Понятие обязательства в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX — начала XX века // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право.* 2018. № 3. С. 13—14.

⁵³ Саксонское гражданское уложение. Спб., 1885. С. 153.

⁵⁴ Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. С. 371.

⁵⁵ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 1 (ст. 1—276 с объясн.). Спб., 1899. С. 4.

⁵⁶ *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 235.

⁵⁷ Там же. С. 238.

во многих отдельных положениях закона. Поэтому в проектируемом определении обязательства не помещается сделанное в Своде гражд[анских] узак[онений] губ[ерний] Прибалтийских, Цюрихском и Саксонском уложениях упоминание об имущественном свойстве предмета обязательства»⁵⁸.

Таким образом, редакционная комиссия, в сущности, отказалась решать вопрос о том, должен или нет предмет договора иметь имущественную ценность.

* * *

При разработке начального варианта первой книги проекта Гражданского уложения Российской империи редакционная комиссия приняла решение изложить в ней общие нормы о сделке, которые в свою очередь, естественно, касались и договора как главной из ее разновидностей. Однако некоторые члены комиссии предлагали помимо этих норм включить в первую книгу и правила, относившиеся к договорам всех категорий. Так, В. И. Голевинский, комментируя статьи о сделках, высказывал следующее мнение: «Правила о договоре как общем установлении права бесспорно должны быть помещены в общей части уложения. Не следует ли, однако, различать общие правила, равно применимые ко всем договорам, устанавливающим какие бы то ни было права, вотчинные, обязательственные, семейственные, наследственные, и те правила, которые свойственны известной категории договоров, смотря по роду прав, до коих они относятся? Правила общие, как то: об изъявлении воли независимо от формы изъявления, о свободности и сознательности оной, всецело принадлежат общей части. Правила о заключении договоров обязательственных вообще и между отсутствующими контрагентами в особенности, изложенные в ст. 186—197, не имеют применения, если я не ошибаюсь, к другим договорам (вотчинным, семейственным, наследственным), и потому они, как исключительно свойственные обязательственному праву, должны бы быть отнесены, на мой взгляд, к отделу уложения об обязательствах»⁵⁹. Это мнение было приведено в объяснениях к печатному изданию первой книги проекта Гражданского уложения, появившемуся в 1895 г. Но в дальнейшей работе редакционной комиссии оно не было учтено.

Новый вариант первой книги, напечатанный в 1898 г., содержал только нормы об актах и сделках и соответственно об условиях их действительности. Договоры или соглашения упоминались, как правило,

лишь в связи с актами и сделками. Статья 151 давала следующее их определение: «Действия, совершаемые для приобретения, передачи, изменения или прекращения прав (акты или сделки), суть: 1) изъявления воли одного лица и 2) договоры или соглашения двух или нескольких лиц»⁶⁰. В первой книге проекта Гражданского уложения варианта 1905 г. приведенное положение составило ст. 56. Подвергнутое небольшой правке оно получило следующий вид: «Действия, совершаемые для приобретения или прекращения гражданских прав (сделки) суть: 1) изъявления воли одного лица, как то: завещательные распоряжения, и 2) договоры или соглашения двух или нескольких лиц»⁶¹.

В пояснениях редакционной комиссии к данной статье было отмечено: «Задача гражданского уложения должна заключаться в достаточно подробном указании в соответствующих местах системы тех законных оснований и условий, которые необходимы для возникновения или прекращения отдельных гражданских прав. Указание в общей части уложения классификации юридических фактов могло бы удовлетворить практической потребности лишь в том случае, если бы представлялось возможным установить общие правила для отдельных видов юридических фактов. В действительности известное число общих правил может быть установлено только для одной категории юридических фактов, а именно юридических “сделок”»⁶².

В результате наиболее общие условия действительности договора были представлены в проекте Гражданского уложения варианта 1905 г. как условия действительности сделок. Их изложение начиналось с нормы, регулировавшей порядок их совершения. Статья 57 первой книги Проекта варианта 1905 г., сформулированная на основе ст. 13 пятой книги проекта, изданной в 1899 г.,⁶³ определяла: «Сделки могут быть совершаемы, по усмотрению сторон, на словах или на письме, за исключением тех сделок, для коих в законе предписана особая форма под страхом недействительности»⁶⁴. В своих пояснениях к этой статье редакционная комиссия отметила: «За исключением случаев, положительно в законе указанных, действительность сделки не зависит от облечения ее в ту или иную форму. Всякое волеизъявление, по содержанию своему способное создать известные юридические по-

⁶⁰ Проект первой книги Гражданского уложения. Спб., 1898. С. 30.

⁶¹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. Т. 1. Спб., 1910. С. 71.

⁶² Там же. С. 72.

⁶³ Указанная статья гласила: «Действительность договора не зависит от того, заключен ли он на словах или на письме, за исключением договоров, для которых в законе предписана особая форма под страхом недействительности» (Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект... Т. 1. С. 48).

⁶⁴ Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 72.

⁵⁸ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект... Т. 1. С. 5.

⁵⁹ Проект первой книги Гражданского уложения с объяснительною запискою. Спб., 1895. С. 407.

следствия, может служить основанием к приобретению или прекращению гражданских прав независимо от того, изложило ли совершающее сделку лицо свою волю на письме (в акте домашнем, явочном или нотариальном) или же изъявление воли последовало на словах»⁶⁵.

Данное замечание воспроизводило мысль, которая была выражена в ст. 2993 и 2994 Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских, гласивших: «Относительно внешней формы юридических сделок не устанавливается, кроме случаев, именно определенных законом, никаких особых правил, и она зависит от произвола участвующих в деле сторон. Участвующим в сделке отдается на волю заключать ее нотариальным или домашним порядком, довольствоваться соглашением на словах или составлять письменный акт, совершать сделку при свидетелях или без них, наконец, давать ей публичную гласность или оставлять безгласною. Действие сего правила не распространяется на те случаи, в которых законом требуется определенный порядок совершения сделки»⁶⁶.

Из ст. 57 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. вытекало, что форма сделки приобретала значение одного из главных условий ее действительности только в тех случаях, когда она прямо предписывалась законом. Если закон требовал письменной формы для какого-либо договора, то заключение его в устной форме не придавало ему никакой юридической силы, он считался как бы не заключенным.

Во многих статьях проекта Гражданского уложения содержалось требование удостоверить тот или иной договор на письме⁶⁷. В этих ситуациях письменная форма сделки приобретала значение установленного законом доказательства ее совершения на тот случай, если возникал спор. Подтвердить такую сделку можно было только документом или показаниями ее сторон.

К порокам волеизъявления, позволявшим оспорить сделку как недействительную, проект Гражданского уложения 1905 г. отнес **принуждение, существенную ошибку и обман**.

Положения о принуждении, ошибке и обмане при заключении договора, которые в проекте Гражданского уложения редакции 1899 г. излагались в общей части обязательственного права, в его варианте 1905 г. были помещены в общую часть для всего Гражданско-

го уложения, в статьи с 60-й по 66-ю, составившие целую главу под названием «*Принуждение, ошибка и обман*». Они были изложены в более подробном содержании, но самое главное их отличие от прежних статей о принуждении, ошибке и обмане заключалось в том, что перечисленные пороки связывались теперь с понятием не договора, а сделки.

Статья 27 пятой книги проекта Гражданского уложения редакции 1899 г. объявляла: «Не признается сознательным и свободным согласие лица, находившегося при заключении договора под влиянием принуждения, обмана или существенной ошибки»⁶⁸.

В ст. 60 первой книги проекта Гражданского уложения варианта 1905 г. провозглашалось: «Сделка может быть оспорена как недействительная, когда изъявление воли лица, совершившего сделку, последовало под влиянием принуждения, существенной ошибки или обмана и не последовало бы, если бы этой причины не существовало»⁶⁹.

Одно из пояснений редакционной комиссии к этой статье было весьма примечательным. В нем отмечалось, что ст. 60 почерпнула свое основание «из действующего закона, разъясненного Правительствующим Сенатом, и необходимость ее и вообще ясных и точных правил о влиянии на действительность сделок принуждения, обмана и существенной ошибки весьма живо ощущается на практике»⁷⁰. Эти слова объясняли причину перемещения положений о принуждении, ошибке и обмане из общей части обязательственного права в общую часть для всего Гражданского уложения. Редакционная комиссия пришла к выводу о том, что вопрос о действительности договоров имеет первостепенное практическое значение, а потому должен быть разработан более подробно и не только для договоров, но для всех юридических сделок в целом.

Термины «принуждение», «ошибка» и «обман» являлись одновременно словами повседневного языка, и потому их значение как юридических категорий необходимо было четко определить. Статья 61 проекта Гражданского уложения 1905 г. устанавливала, что «*изъявление воли признается последовавшим под влиянием принуждения, когда оно вынуждено насильем, лишением свободы, истязанием или возбуждением страха угрозой нанести личный или имущественный вред, совершившему сделку или кому-либо из его близких*»⁷¹.

Приведенное определение принуждения предлагало более широкое его понимание по сравнению с тем, которое давалось действовавшим в то время Сводом законов гражданских (первой части десятого

⁶⁵ Там же. С. 72–73.

⁶⁶ Свод гражданских узаконений губерний Прибалтийских. С. 380–381.

⁶⁷ Такое требование содержалось, например, в ст. 2008 проекта Гражданского уложения применительно к договору перевозки, «в коем провозная плата превышает сто рублей» (Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютюмова. Т. 2. Спб., 1910. С. 579).

⁶⁸ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект... Т. 1. С. 75.

⁶⁹ Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 74.

⁷⁰ Там же. С. 75.

⁷¹ Там же.

тома Свода законов Российской империи). Статья 702 данного Свода указывала, что «принуждение бывает, когда кто-либо, быв захвачен во власть другого, принуждается к отчуждению имущества или ко вступлению в обязательства насильственно страхом настоящего или будущего зла, могущего постигнуть его лицо или имущество»⁷².

В судебной практике это определение стали толковать еще в более узком смысле. Основание для него дала ст. 704, в которой говорилось: «Если по рассмотрению суда найдется, что действительно учинено принуждение, то виновный и сообщники его подвергаются наказаниям, какие в уголовных законах за сие установлены (Улож. о наказ., ст. 13–17, 2278 и 2279)»⁷³. Судьи решили, что выраженное в ней понимание принуждения как уголовного преступления распространяется и на ст. 702. В постановлении, вынесенном 3 октября 1868 г. по кассационной жалобе поверенного купцов Туляковых, титулярного советника Успенского на решение С.-Петербургской Судебной палаты, Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената заявил, что из ст. 704 первой части десятого тома Свода законов следует, что «закон гражданский считает нарушением свободы произвола и согласия при приобретении прав на имущество только такое принуждение, которое карается законом уголовным»⁷⁴. Подобное толкование принуждения давалось и в целом ряде других решений Гражданского кассационного департамента⁷⁵. Однако после того, как при новом издании в 1887 г. первой части десятого тома Свода законов Российской империи из нее были исключены статьи с 704 по 706, судьи изменили свое мнение о смысле категории «принуждение», определенной в ст. 702.

В решении, вынесенном 7 марта 1901 г. по прошению Герша Бегуна об отмене решения Киевской Судебной палаты, Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената в своем толковании ст. 700, 701 и 702 Свода законов гражданских заявил: «Несомненно, что принуждение исключает свободу воли не только тогда, когда оно является в виде физического насилия (“быв захвачен во власть другого”), но и тогда, когда свобода воли нарушается угрозой настоящего или будущего зла. Для этого, однако, требуется, чтобы угроза была действительная, серьезная, возбуждающая основательное опасение за другие блага человека — за его жизнь, здоровье, честь или

⁷² СЗ 1857 г. С. 136.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Решения Гражданского кассационного департамента... за второе полугодие 1868 года. Спб., 1869. С. 1767.

⁷⁵ См., напр.: Решение от 12 мая 1876 г. // Решения Гражданского кассационного департамента... за 1876 год. Екатеринослав, 1904. С. 759; Решение от 27 сентября 1878 г. // Решения Гражданского кассационного департамента... за 1878 год. Екатеринослав, 1912. С. 404.

имущество, или за благо лиц, ему близких. К тому же угроза должна быть противозаконной или безнравственной, хотя не требуется, чтобы вызванное угрозой принуждение было уголовно наказуемо. Принуждение может исходить от лица, действия которого не наказуемы по невменяемости (например, от сумасшедшего), но тем не менее такое принуждение может вполне устранить произвол и согласие контрагента». Исходя из этих соображений, сенаторы сделали вывод о том, что «по смыслу 700–702 статей тома X части 1 под принуждением, нарушающим свободу произвола и согласия при заключении сделки, разумеется не одно только насильственное физическое действие, наказуемое уголовным законом, но и нравственное принуждение посредством угроз, возбуждающих серьезный страх пред настоящим или будущим действительным злом»⁷⁶.

Редакционная комиссия использовала при формулировании ст. 61 первой книги проекта Гражданского уложения именно это установленное в практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената толкование категории «принуждение». Поэтому определение данной категории в ст. 61 проекта оказалось удачнее определения, которое давалось ст. 702 Свода законов гражданских.

Любопытно, что в Германском гражданском уложении, принятом в 1896 г., основанием для оспаривания действительности волеизъявления было объявлено, помимо обмана, всего лишь незаконное побуждение к нему «посредством угрозы» (§ 123)⁷⁷, т. е. человеку, который при совершении сделки подвергался угрозе, не требовалось доказывать, что она возбуждает «серьезный страх пред настоящим или будущим действительным злом». Достаточно было пояснить, что пойти на этот шаг ему пришлось только вследствие угроз в его адрес. Очевидно, что такой подход облегчал процесс судебного признания сделки, совершенной при порочном волеизъявлении, недействительной.

Что касается таких пороков волеизъявления, как **ошибка** и **обман**, то при их определении составители российского проекта Гражданского уложения взяли за основу ст. 1110 Гражданского кодекса французов 1804 г., которая гласила: «Ошибка является причиной ничтожности

⁷⁶ Решения Гражданского кассационного департамента... за 1901 год. Екатеринослав, 1911. С. 48–49.

⁷⁷ Параграф 123 ГГУ гласил: «Кто к осуществлению своего волеизъявления будет побужден намеренным введением в заблуждение или незаконно посредством угрозы, тот может свое заявление оспаривать (Wer zur Abgabe einer Willenserklärung durch arglistige Täuschung oder widerrechtlich durch Drohung bestimmt worden ist, kann die Erklärung anfechten)». Правовед А. Э. Вормс перевел этот параграф ГГУ следующими словами: «Кого побудили учинить волеизъявление умышленным обманом или противозаконной угрозой, тот может оспаривать свое заявление» (Гражданское уложение Германской империи // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 1. Приложение. С. 25).

соглашения лишь когда она касается сущности той самой вещи, которая составляет его объект. Она не является причиной ничтожности, если касается только лица, с которым есть намерение заключить соглашение, кроме случаев, когда соображение об этом лице является основным мотивом для заключения соглашения»⁷⁸. В проекте Гражданского уложения Российской империи варианта 1905 г. эти идеи были выражены в ст. 62 следующими словами: «*Ошибка признается существенной, когда она касается тождества или существенных качеств предмета сделки, а равно и тождества или существенных качеств лица, если имелось в виду изъявить волю в отношении определенного лица. Качество предмета сделки или лица признается существенным, если считается таковым в деловых отношениях. Ошибка в побудительной причине к совершению сделки не служит основанием к признанию сделки недействительной*»⁷⁹.

Формулируя следующую статью проекта Гражданского уложения, в которой давалось определение обмана как порока волеизъявления, позволяющего признать сделку недействительной, редакционная комиссия сочла необходимым взять за основу сенатскую судебную практику, в которой было выражено гражданско-правовое понятие обмана.

В постановлении Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, вынесенном 20 октября 1883 г. по прошению поверенного крестьянина Минеева коллежского регистратора Дмитрия Померанцева об отмене решения Княгининского мирового съезда, было отмечено, что в законодательстве Российской империи отсутствует указание на не заключающий в себе признаков уголовного преступления обман как на такое деяние, которое могло бы служить основанием гражданского иска. Тем не менее ст. 1528 и 1539 содержат в себе указания на обязанность и сторон, и суда нормировать договорные отношения по доброй совести. Руководствуясь ими, Гражданский кассационный департамент заявил: «Несомненно следует признать, что умолчание о существующем факте, указывающее на недобросовестность стороны, а также случай введения в заблуждение для склонения обманутой стороны к заключению невыгодной для нее сделки» есть обман, который, хотя и не содержит в себе «признаков уголовного преступления, может служить основани-

⁷⁸ «L'erreur n'est une cause de nullité de la convention que lorsqu'elle tombe sur la substance même de la chose qui en est l'objet. Elle n'est point une cause de nullité lorsqu'elle ne tombe que sur la personne avec laquelle on a intention de contracter, à moins que la considération de cette personne ne soit la cause principale de la convention» (Code civil de français. P. 201–202).

⁷⁹ Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 76–77.

ем к оспариванию действительности самой сделки, заключенной под влиянием такого обмана»⁸⁰.

Еще более широкое понимание обмана как гражданско-правовой категории было выражено в постановлении Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, вынесенном 25 сентября 1901 г. в результате рассмотрения жалобы на решение Харьковской Судебной палаты от 15 января 1900 г. Сенаторы подчеркнули в своем постановлении: «Не один только уголовно-наказуемый обман влечет за собою уничтожение сделки, но таковое же последствие наступает и вообще при наличности всякого рода обмана, нарушающего свободу произвола договаривающихся»⁸¹.

Редакционная комиссия приняла такое понимание обмана и выразила его сначала в ст. 30 пятой книги проекта Гражданского уложения, изданной в 1899 г., применительно к договорам, а затем в ст. 63 первой книги Проекта варианта 1905 г., касающейся сделок. Окончательный вариант определения обмана гласил: «*Обманом признаются не только виды его, предусмотренные законом уголовным, но и всякое действие, заявление или умолчание, коим кто-либо намеренно вводит другого в заблуждение или заведомо поддерживает его в состоянии заблуждения с целью склонить его к совершению сделки*»⁸².

Статья 64 первой книги проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г., воспроизводившая с небольшими изменениями ст. 31 пятой книги данного проекта варианта 1899 г.,⁸³ расширяла понятие обмана, выраженное в ст. 63. В ней объявлялось, что «*к обману приравниваются те случаи, когда кто-либо, злоупотребляя принадлежащею ему властью или оказываемым ему доверием либо пользуясь слабостью воли, нуждою или несчастьем другого, заключит с ним чрезмерно невыгодную для него сделку*»⁸⁴. Оценивая эту норму, российский правовед Н. Г. Растеряев писал: «Она весьма поучительна, жизненна и отсутствие ее в нынешнем законе давало себя чувствовать, так как прикрывало массу действий лиц, кои заключали и выполняли юридические действия, основанные исключительно на несчастьи ближнего своего или на иной случайной власти»⁸⁵.

⁸⁰ Решения Гражданского кассационного департамента... за 1883 год. Екатеринбург, 1912. С. 277.

⁸¹ Решения Гражданского кассационного департамента... за 1901 год. С. 167

⁸² Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 77.

⁸³ В этой статье говорилось: «К обману приравниваются те случаи, когда кто-либо, злоупотребляя оказываемым ему доверием или принадлежащею ему властью или пользуясь легкомыслием, слабостью воли, неопытностью, нуждою либо несчастьем другого, заключит с ним явно невыгодный для него договор» (Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект... Т. 1. С. 80).

⁸⁴ Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 77.

⁸⁵ Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Докладное исследование. Спб., 1900. С. 140–141.

В отличие от определения обмана в ст. 63, предусматривавшего совершение действий, которыми одна из сторон сделки «**намеренно**» вводит в заблуждение другую сторону, или «**заведомо**» поддерживает ее в состоянии заблуждения, случаи, названные в ст. 64 обманом, не предполагали намеренности и заведомости совершаемых действий, наличия до заключения сделки у одной из ее сторон злого умысла на причинение вреда другой стороне. Неумышленное введение в заблуждение не является обманом, в строгом смысле этого слова, но составляет ошибку⁸⁶. Поэтому в ст. 64 говорилось на самом деле о *юридической фикции обмана*, в ней признавалось обманом использование одной из сторон сделки стесненного положения другой стороны, т. е. обману уподоблялось явление, которое по своей сущности обманом не было. Во всяком случае, оно стояло ближе к принуждению, чем к обману.

В праве справедливости Англии и США такая разновидность обмана называется «неумышленным обманом» и обозначается термином “constructive fraud”. В толковых юридических словарях данный термин объясняется как «неумышленный обман или введение в заблуждение, причиняющее вред другому»⁸⁷. Авторитетный американский юрист Джозеф Стори (1779—1845) давал ему следующее толкование: «Термин *constructive frauds* означает такие действия или контракты, которые, хотя и не проистекают из действительного злого умысла или ухищрения обмануть или причинить вред другим лицам, однако имеют своим результатом обман или введение в заблуждение других лиц либо нарушение частного или публичного доверия, либо нарушение или нанесение вреда публичным интересам и в связи с этим считаются одинаково предосудительными с действительным обманом и поэтому запрещаются законами на том же самом основании и по причине зловредности, на каком запрещаются действия и контракты, совер-

⁸⁶ В. И. Голевинский считал неотъемлемым признаком обмана умысел, т. е. сознательное стремление ввести в заблуждение. «Невозможно предполагать, — писал он, — чтобы кто-либо, не имея намерения действовать обманом ко вреду другого лица, с которым заключает договор, старался ввести это лицо в заблуждение или овладеть его волею посредством возбуждения опасений. Такое предположение можно бы допустить разве в том только случае, если бы лицо, действующее само, имело ошибочное и вместе с тем сильное убеждение и старалось внушить его другому; но в таком случае не было бы обмана, а была бы ошибка в собственном смысле слова. Таким образом, обман обуславливается всегда умыслом ввести соконтрагента в заблуждение ко вреду его» (*Голевинский В. И. О происхождении и делении обязательств. Варшава, 1872. С. 78*). Н. Г. Растеряев, специально занимавшийся темой недействительности юридических сделок, также подчеркивал: «Под обманом (*dolus*) следует понимать намеренное введение в заблуждение другого лица с какой-либо целью, в большинстве случаев корыстной...» (*Растеряев Н. Г. Указ. соч. С. 126*).

⁸⁷ “Unintentional deception or misrepresentation that causes injury to another” (Black’s Law Dictionary. 9th ed. Eagan, 2009. P. 732).

шенные по злему умыслу. Хотя на первый взгляд доктрины этого рода могут показаться имеющими искусственный, если не произвольный характер, но при более внимательном наблюдении они будут восприниматься основанными более на страстном желании закона применить принцип превентивного правосудия, с тем чтобы заглушить побуждения к совершению правонарушений, а не полагаться лишь на исправительное правосудие, применяемое после того, как правонарушение уже было совершено»⁸⁸.

Если определение обмана, сформулированное в ст. 63, было продиктовано практикой Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, то расширительное толкование обмана, данное в ст. 64, опиралось на его трактовку в ст. 1689 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года⁸⁹, в ст. 180¹—180⁴ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (с дополнениями по продолжению 1895 г.) и в ст. 530—538 проекта Уголовного уложения редакции 1898 г.

Вместе с тем указанное толкование основывалось на понимании обмана, изложенного в Гражданском кодексе Калифорнии 1872 г. и в Германском Гражданском уложении 1900 г.

В пояснениях к ст. 64 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. редакционная комиссия указала в качестве одного из ее источников ст. 1000—1004 Гражданского кодекса Калифорнии. На самом деле обману были посвящены в этом кодексе статьи с 1571 по 1574. Статья 1573 определяла содержание искусственного обмана, обозначавшегося термином “constructive fraud”. В ней говорилось, что обман такого рода состоит: 1) во всяком нарушении долга, которое, без действительного намерения обмануть, приносит выгоду

⁸⁸ “By constructive frauds are meant such acts or contracts as, although not originating in any actual evil design or contrivance to perpetuate a positive fraud or injury upon other persons, are yet, by their tendency to deceive or mislead other persons, or to violate private or public confidence, or to impair or injure the public interests, deemed equally reprehensible with positive fraud, and therefore are prohibited by law as within the same reason and mischief as acts and contracts done *malo animo*. Although at first view the doctrines on this subject may seem to be of an artificial if not of an arbitrary character, yet upon closer observation they will be perceived to be founded in an anxious desire of the law to apply the principle of preventive justice so as to shut out the inducements to perpetrate a wrong, rather than to rely on mere remedial justice after a wrong has been committed” (*Story J. Commentaries on Equity Jurisprudence, as administered in England and America. Vol. 1. Boston, 1886. P. 265*).

⁸⁹ Ст. 1689 данного Уложения гласила: «Если кто-либо, также чрез обман и ложные уверения, пользуясь незнанием закона или легкомыслием и слабостью лица несовершеннолетнего, войдет с ним в недозволенные сему лицу сделки по имуществу или примет от него какие-либо, также не допускаемые по закону до совершеннолетия обязательства, то за сие, сверх уничтожения всех таких сделок и обязательств, без всякого за сие вознаграждения приговаривается: к заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев или на время от двух до четырех месяцев» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 7-е, пересмотр. и доп. / Изд. Н. С. Таганцевым. Спб., 1892. С. 756).

виновному лицу или тому, кто ссылается на его права, введением другой стороны в заблуждение к ее ущербу или к ущербу того, кто ссылается на ее права; или 2) во всяком таком действии или упущении, которое закон специально объявляет обманном, независимо от того, является ли оно действительным обманом»⁹⁰.

Российский проект Гражданского уложения, в отличие от Гражданского кодекса Калифорнии, предусматривал в качестве признака «искусственного» или «неумышленного» обмана получение не просто выгоды, а **чрезмерной** выгоды. Такой признак устанавливался в § 138 Германского гражданского уложения, гласившем: «Правовая сделка, которая противоречит добрым нравам, ничтожна. В частности, ничтожна правовая сделка, посредством которой кто-либо, пользуясь затруднительным положением, неопытностью, легкомыслием или слабостью другого, выговаривает или заставляет его предоставить себе или третьему лицу имущественную выгоду, слишком несоразмерную встречному удовлетворению»⁹¹.

Редакционная комиссия указала § 138 ГГУ в числе источников ст. 64 российского проекта Гражданского уложения. Однако даже поверхностное сравнение этих двух установлений показывает весьма существенные различия между ними. В ст. 64 отсутствуют указания на использование легкомыслия и неопытности для получения несоразмерной выгоды по сделке, которые упоминаются в § 138 ГГУ и присутствовали в ст. 31 пятой книги российского проекта Гражданского уложения издания 1899 г.

Но самое главное различие российского и немецкого вариантов юридической конструкции неумышленного, искусственного обмана, обозначающегося в английском праве справедливости термином “constructive fraud”, заключалось в последствиях такого рода нарушения свободы воли и согласия при заключении сделки.

⁹⁰ “Constructive fraud consists: 1. In any breach of duty which, without an actually fraudulent intent, gains an advantage to the person in fault, or any one claiming under him, by misleading another to his prejudice, or to the prejudice of any one claiming under him; or 2. In any such act or omission as the law specially declares to be fraudulent, without respect to actual fraud” (The Civil Code of the State of California. Vol. 1. Sacramento, 1872. С. 464).

⁹¹ “Ein Rechtsgeschäft, das gegen die guten Sitten verstößt, ist nichtig. Nichtig ist insbesondere ein Rechtsgeschäft, durch das jemand unter Ausbeutung der Zwangslage, der Unerfahrenheit, des Mangels an Urteilsvermögen oder der erheblichen Willensschwäche eines anderen sich oder einem Dritten für eine Leistung Vermögensvorteile versprechen oder gewähren lässt, die in einem auffälligen Missverhältnis zu der Leistung stehen” (Bürgerliches Gesetzbuch für das Deutsche Reich nebst dem Einführungsgesetz und Sachregister. Berlin, 1909. S. 29–30). А. Э. Вормс перевел последнюю фразу данного параграфа словами «представляется явно несоразмерной оказанным услугам» (Гражданское уложение Германской империи / Пер. с нем. СПб., 1898. С. 28). Но словосочетание “auffälligen Missverhältnis” подразумевает значительно большую степень несоразмерности, нежели та, которую выражают русские слова «явно несоразмерная». Поэтому, на мой взгляд, правильнее перевести это словосочетание как «слишком несоразмерную».

Согласно § 138 ГГУ сделка, заключенная путем использования затруднительного положения, неопытности, легкомыслия или слабости для получения имущественной выгоды слишком несоразмерной встречному удовлетворению, является противоречащей добрым нравам и потому недействительной сама по себе — *ipso jure*, без подачи иска о признании ее недействительной заинтересованной стороной. И. А. Покровский, оценивая это правило, высказывал мнение о том, что признанием таких сделок ничтожными составители Германского гражданского уложения «зашли слишком далеко: если сторона, обещающая в договоре своему контрагенту чрезмерно большую выгоду, теперь по тем или другим своим соображениям заключенной им сделки оспаривать не желает, то нет никаких оснований для уничтожения сделки *ex officio*. Помогать подвергнутому эксплуатации тогда, когда он сам такой помощи не желает, значит уже не помогать, а насилловать. Взгляд комиссии от Рейхстага на сделки подобного рода, как на сделки противные добрым нравам и потому ничтожные *ipso jure* — является чистейшим доктринерством»⁹². На самом деле указанный взгляд на сделки, противоречащие добрым нравам, являлся взглядом не только комиссии от Рейхстага, он доминировал среди тогдашних немецких правоведов и был выражен еще в первом проекте ГГУ. В «Мотивах» к нему подчеркивалось, что «ничтожность наступает, когда содержание сделки непосредственно, в объективном рассмотрении и с выделением субъективной стороны, нарушает добрые нравы»⁹³.

Статья 64 российского проекта Гражданского уложения не признавала сделку, в которой одна из сторон, злоупотребляя властью или доверием, либо используя слабость воли, нужду или несчастье другой стороны, добивалась получения имущественной выгоды слишком несоразмерной встречному удовлетворению, *недействительной просто в силу самого закона*. Это прямо вытекало из ст. 65, предполагавшей необходимость подачи иска для признания сделки недействительной по основаниям, указанным в ст. 60–64. Такой иск мог быть предъявлен «лишь до истечения года со дня прекращения принуждения или со дня открытия ошибки либо обмана и во всяком случае не позже десяти лет со дня совершения сделки»⁹⁴.

⁹² Покровский И. А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека. Дилеммы современного гражданского права в области договоров // Приложения к протоколам собраний Киевского юридического общества за 1899 год. Киев, 1901. С. 8.

⁹³ Томсинова А. В. Понятие сделки в Германском гражданском уложении 1900 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 2. С. 113. В данной статье высказывается еще одна интересная мысль: «В отличие от французского Гражданского кодекса, ГГУ объявил условием ничтожности сделки противоречие добрым нравам не только каузы сделки, но и самой сделки, т. е. любого ее элемента — не одного основания сделки, а, например, также ее исполнения» (там же).

⁹⁴ Гражданское уложение. Проект... Т 1. С. 79.

В своих пояснениях к ст. 65 редакционная комиссия отметила, что «в литературе и в некоторых законодательствах последствием означенных нарушений свободы воли и согласия считается иногда недействительность сделки *ipso jure*. Напротив, в уложении французском (имеется в виду Гражданский кодекс французов 1804 г. — *В.Т.*) сказано прямо, что договор, заключенный под влиянием ошибки, принуждения или обмана, не считается недействительным в силу самого закона; из подобного договора возникает только иск о недействительности или уничтожении сделки (ст. 1117)⁹⁵. Это правило усвоил и настоящий проект, находя, что признавать все подобные сделки ничтожными в силу закона, независимо от спора заинтересованных лиц, было бы несогласно с общими началами права и с потребностями делового оборота»⁹⁶.

Статья 31 пятой книги российского проекта Гражданского уложения, изданной в 1899 г., завершалась словами «заключит с ним **явно** невыгодный для него договор» (выделено мною. — *В.Т.*). Но в сформулированной на ее основе ст. 64 первой книги проекта варианта 1905 г. слово «явно» было заменено на термин «чрезмерно», т. е. результатом обмана было заключение не явно, а **чрезмерно** невыгодной для обманутого сделки. Редакционная комиссия внесла эту поправку для того, чтобы предотвратить оспаривание договора, представляющего для одной из его сторон незначительную невыгоду в том случае, когда эту невыгоду можно будет доказать. В своих пояснениях к ст. 64 редакционная комиссия отметила, что «даже самая ничтожная выгода, с отвлеченной точки зрения, может считаться несправедливою и содержать в себе признаки корысти. Но едва ли практично в видах достижения отвлеченной справедливости создавать в самом законе лишний повод к нарушению договоров, когда интересы сторон, в сущности, ничем не нарушены. Поэтому в ст. 64 пр[оекта], по приме-

⁹⁵ В ст. 1117 Гражданского кодекса французов говорится: «Соглашение, заключенное с помощью ошибки, насилия или обмана, не является полностью ничтожным в силу самого закона; оно дает лишь основание для иска о ничтожности или расторжении в случаях и в порядке, указанных в отделении 7-м главы V настоящего титула (La convention contractée par erreur, violence ou dol, n'est point nulle de plein droit; elle donne seulement lieu à une action en nullité ou en rescision, dans les cas et de la manière expliqués à la section VII du chapitre V du présent titre)» (Code civil de français. P. 271). И. С. Петерский перевел эту весьма значимую для понимания вопроса о действительности договоров статью следующим образом: «Соглашение, заключенное вследствие заблуждения, насилия или обмана, не является ничтожным в силу самого закона; оно дает лишь основание для иска о ничтожности в случаях и в порядке, указанных в отделении 7-м главы V настоящего титула». На мой взгляд, в этом переводе допущены три серьезных ошибки: 1) термин «*erreur*» переведен как заблуждение, тогда как здесь он явно обозначает ошибку, заблуждение или обман обозначены термином «*dol*», 2) не принята во внимание частица «*point*», которая дает неполное отрицание и 3) пропущено слово «*rescision*», означающее расторжение соглашения.

⁹⁶ Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 79.

ру Германского гр[ажданского] уложения (ст. 138), введено понятие явной несоразмерности полученной выгоды с оказанными услугами, что и выражается в заключительных словах статьи: «*заключит с ним чрезмерно невыгодную для него сделку*»⁹⁷.

К приведенному пояснению редакционная комиссия добавила замечание о том, что норма, выраженная в ст. 64, не является чуждым русскому законодательству, что «необходимость бороться с недобросовестностью при заключении сделок посредством более эластичных правил, расширяющих усмотрение суда, выяснилась и в русском законодательстве»⁹⁸.

Однако главной проблемы, неминуемо возникавшей при применении в судебной практике статьи, объявлявшей обманом злоупотребление властью или доверием, использование слабости воли, нужды или несчастья одной из сторон сделки для заключения соглашения чрезмерно невыгодного для другой стороны, редакционная комиссия так и не решила. Она не учла при формулировании ст. 64, что все указанные в ней действия составляют печальную закономерность любого человеческого общества. Человеку всегда было и будет присуще стремление к выгоде, и мало кто из людей не станет пользоваться для ее достижения властью или доверием, слабостью воли, нуждой или несчастьем других людей. Ведь все люди испытывают в своей жизни какую-либо нужду. Да уже само по себе существование кредита означает, что имеются люди, нуждающиеся в деньгах, и есть те, которые постоянно этим пользуются. Торговля также предполагает использование нужды для получения выгоды. Но как же тогда отличить ненормальный случай использования нужды от нормального? Каким образом судья, рассматривающий иск о признании сделки недействительною по основаниям, указанным в ст. 64, мог решить этот спор? Очевидно, что для этого он должен был установить, является данная сделка «чрезмерно невыгодной» для истца или нет? А это предполагало знание практики гражданского оборота, нормальных или справедливых цен на те или иные товары и услуги, тарифов, процентных ставок и других многочисленных атрибутов рынка. **Расширенное толкование обмана, предложенное ст. 64 проекта Гражданского уложения, возлагало на судей функции, свойственные более профессии экономиста или финансиста, нежели юриста.** Вряд ли составители данного проекта не понимали этого. Чем же тогда они руководствовались, помещая в проект норму, напоминающую, как было признано в пояснениях к ней редакционной комиссии, «систему справедливости, выработанную английским правом»?

⁹⁷ Там же. С. 78.

⁹⁸ Там же.

Таким руководством для составителей проекта Гражданского уложения Российской империи стал принцип справедливости. «*Договорные отношения сторон должны покоиться на началах справедливости и добросовестности*»⁹⁹, — декларировала редакционная комиссия во введении к объяснительной записке, приложенной к пятой книге данного проекта, изданной в 1899 г. В ее представлении это означало, что нормы Гражданского уложения должны, при соблюдении принципа равенства сторон в обязательственных отношениях, вместе с тем «оградить интересы всех слабых, беспомощных, словом всех тех, кто, по своему личному или имущественному положению, нуждается в особой защите закона, не будучи в состоянии с достаточною энергией отстаивать свои права»¹⁰⁰. Именно поэтому проектом были приняты меры «против эксплуатации нужды, легкомыслия, неопытности и несчастья». На основании именно этого мотива проект расширил, сравнительно с действующим законом, понятие обмана, приравняв к нему и случаи злоупотребления одной из сторон сделки властью или доверием, использования ею слабости воли, нужды или несчастья другой стороны с целью заключения чрезмерно невыгодной для нее сделки.

И как показывает содержание пятой книги проекта Гражданского уложения, начала справедливости и добросовестности были последовательно проведены в ее нормах. Так, должники были ограждены от непомерных процентов и чрезмерной неустойки¹⁰¹, работники по найму получили правовые гарантии в том, что наниматель будет оказывать им покровительство и защиту во всех случаях, когда они будут в этом нуждаться, ограждать их жизнь и здоровье от опасности во время производства работ, гуманно с ними обращаться¹⁰².

Следуя принципу справедливости, составители проекта Гражданского уложения расширили понятие убытков, предусмотрев возмещение неимущественного, нравственного вреда, проистекающего

из нарушения прав личности — здоровья, свободы, чести¹⁰³. Статья 1657 проекта 1905 г. предписала суду устанавливать размер вознаграждения за убытки «по справедливому усмотрению»¹⁰⁴.

Статья 94 проекта Гражданского уложения провозгласила в качестве условия действительности сделки соответствие ее цели закону. В ней устанавливалось, что «сделка признается противозаконной, когда она клонится к достижению цели, законом воспрещенной»¹⁰⁵. В ст. 1529 первой части десятого тома Свода законов Российской империи подобное правило излагалось следующими словами: «Договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению онаго есть достижение цели, законами запрещенной»¹⁰⁶.

Из ст. 95 проекта Гражданского уложения 1905 г. следовало, что сделка должна была соответствовать не только закону, но также добрым нравам или общественному порядку¹⁰⁷. Подобное требование к сделкам выражалось в ст. 1528 действовавшего в России в то время Свода законов гражданских. В ней предусматривалось, что цель договора «должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку»¹⁰⁸.

Таким образом, вопрос о действительности сделки, а следовательно, и договора, был решен в проекте Гражданского уложения Российской империи прежде всего на основе сложившегося в России опыта законодательного регулирования договорных отношений и с учетом условий российского общества. Вместе с тем, формулируя нормы о сделках, составители проекта учитывали юридические конструкции, выработанные иностранными правоведом и отраженные в гражданских кодексах Франции, Германии, Калифорнии. Сравнительный анализ соответствующих статей российского проекта Гражданского уложения и иностранных гражданских кодексов показывает, что в России создавалась собственная юридическая модель договора и разрабатывалась своеобразная юридическая конструкция условий его действительности.

⁹⁹ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект... Т. 1. С. LI.

¹⁰⁰ Там же. С. LI.

¹⁰¹ Статья 1892 проекта Гражданского уложения редакции 1905 года предусматривала: «Заемщик, обязавшийся платить свыше шести процентов на занятый капитал, имеет право во всякое время, спустя шесть месяцев по заключении займа, возвратить занятый капитал с тем, однако, чтобы заимодавец был письменно предварен об этом не менее, как за три месяца. Всякое соглашение, отменяющее или ограничивающее такое право заемщика, признается недействительным» (Гражданское уложение. Проект... Т. 2. С. 460).

¹⁰² В качестве примера здесь можно привести ст. 1943, которая устанавливала: «При руководстве работою нанявшегося, а также при выборе доставляемых ему орудий и инструментов и устройств всякого рода, необходимых для работ приспособлений, наниматель обязан заботиться о том, чтобы нанявшийся был настолько огражден от опасности для жизни и здоровья, насколько это, по свойству работ, представляется возможным. Наниматель отвечает за убытки, причиненные неисполнением установленной в настоящей статье обязанности» (там же. С. 504).

¹⁰³ О том, что должник, умышленно или по грубой неосторожности не исполнивший обязательства, мог быть присужден к возмещению убытков, заключавшихся «не в имущественном, а нравственном вреде», говорилось, например, в ст. 1655 (там же. С. 249).

¹⁰⁴ Там же. С. 251.

¹⁰⁵ Там же. С. 100.

¹⁰⁶ СЗ 1857 г. С. 302.

¹⁰⁷ «Если не все содержание сделки, — говорилось в ст. 95, — а только отдельные части ее оказываются противными закону, добрым нравам или общественному порядку, то сделка сохраняет силу в остальных ее частях, буде они, по содержанию сделки, не зависят от прочих частей, признанных недействительными» (Гражданское уложение. Проект... Т. 2. С. 101).

¹⁰⁸ СЗ 1857 г. С. 302.

Список литературы

1. Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 1 (ст. 1–276 с объясн.). Спб., 1899.
2. Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютюмова; сост. А. Л. Саатчиан. Т. 1–2. Спб., 1910.
3. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. Общая часть. Спб., 1861.
4. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. Т. 2: Гражданские права в отдельности. Спб., 1862.
5. Обязательственное право. Книга V Гражданского уложения. Проект, внесенный 14 октября 1913 г. в Государственную думу (с предисл. предм. указ.). Спб., 1914.
6. Первоначальный проект общих положений об обязательствах. Спб., 1890.
7. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Третья часть. Договоры и обязательства. Спб., 1896.
8. *Радищев А. Н.* [Труды по законодательству 1801–1802 гг.] // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952.
9. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. Спб., 1832.
10. Свод законов Российской империи, повелением императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. Спб., 1857.
11. *Томсинова А. В.* Понятие сделки в Германском гражданском уложении 1900 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 2.
12. Code civil de français / Éd. orig. et seule offic. À Paris, (An XII) 1804.